

Сергей Семеркин

Серебряная лилия

Сергей Семеркин
Серебряная лилия

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Семеркин С. В.

Серебряная лилия / С. В. Семеркин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Рассказ о вольном городе Гиле, влюблённом молодом человеке Грине,
который ради достижения своей цели готов на похищение самой...

© Семеркин С. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Посвящается Лилии

Вспоминая вольный город Гиль, нельзя оставить без внимания его башни. Их столько, что издалека это поселение похоже на расчёску. Башни растут в небо своими шпилями одновременно благодаря и вопреки. Растут благодаря, потому что гильцы в большинстве своем люди расчётливые и имеют стойкую аллергию к уплате налогов. Но ведь от налогов, как от смерти, не скроешься, так что платить мзду всё равно приходится, только каждый старается налог за землю слегка скостить. Поэтому первый этаж своей – самой лучшей на свете! – башни строят небольшой по метражу, второй пошире первого, третий пошире второго, и так далее вплоть до пятого, потому что если пятый сделать пошире четвертого, то он – вот ведь зараза! – падает. Какие-то законы всемирного притяжения пятого этажа к земле берут, понимаешь, своё. Так что пятый приходится строить вровень с четвертым, а потом и вовсе идти по убывающей до девятого-десятого, а далее в небо устремлять лишь остроконечный шпиль с непременным флюгером. Флюгеры делятся на две половины – корабельно– и птицеобразные. Вообще-то гильцы в своём выборе голосуют за флюгеры с русалками, так чтобы чешуя блестела, а фактурные прелести соответствовали дынькам с базара. Но ведь у каждого доброго башневладельца есть супруга, а жена кардинально против пышногрудых русалок, за такую мифическую диву можно вполне реально получить по мордасам. Другое дело корабли или птицы – это темы в искусстве нейтральные. На мачте парусника или в клюве птицы обязательный укреплен фонарь, в котором благодаря мастерам стеклодувам горит негасимый огонь. Так что ночью над Гилем звёзд зажигается много больше, чем над другими городами.

Осталось узнать, вопреки чему растут в небеса гильские башни. Вопреки архитекторам. Их в вольном граде не жалуют. Ну что, скажите, пожалуйста, это за работа такая, брать деньги за ещё не построенное здание, да даже и не за здание вовсе, а за его двумерный рисунок. Рисовать мы все можем! Так говорили гильцы, и строили башни по железобетонной методе: как Бог на душу положит. Ну и некоторые башни падали, ведь не у всех по черчению в школе было хорошо или отлично. Не сразу конечно башни рушились, сначала они своих хозяев предупреждали скрипом и раскачиванием, потом по их стенам начинали ползти трещины. Тут уж даже лишенный всякой интуиции гилец понимал, что надо брать ноги в руки, а в руки – свой скарб и рвать когти на ногах, которые тоже в руках. Из башни её стенающие жильцы выбегали так скоро, что не все деньги, документы, золото, драгоценности, вставные челюсти, ковры, кресла-качалки, фикусы и прочие петунии, а также камин и прочие движимое и не очень имущество успевали забрать с собой. А далее невольные эмигранты в растрепанном виде отбегали на расстояние безопасное, где уже толпились ротозей-бездельники, которых пивом не пои, дай только позырить на падение чужой башни. Позже в положенное судьбинушкой время наступал полный Ух – башня складывалась сама в себя, припорашивая окрестные улочки и переулочки толстым слоем пыли и разнообразных обломков. Обычно тут наступало время проститься с канарейкой, которую забыли вынести. Обязательно какой-нибудь трогательный кулёнок (маленькая девочка или мальчик) пускал по этому поводу здоровую слезу, а иногда и целый рёв. А отец семейства вдруг вспоминал, что в клетке канарейки той пряталась заначка, он серел лицом и становился одного оттенка с пылью, которая ходила по улочкам да переулочкам Гиля от очередной рухнувшей башни. Что характерно коты и собаки спасались раньше хозяев, это в некотором роде разрушало теории о том, что человек – венец творения и царь зверей, но тему эту развивать не будем, а то можно попасть на костер (в натуре или только в виде заключенных в эту рукопись мыслей).

Злые языки утверждали в своих путеводителях, что в Гиле улицы настолько запутаны и переплетаются так витиевато, что запросто могут пересекать сами себя. Это враки цвета сажи. Улиц как таковых в Гиле нет. Таблички с их названиями есть, а вот улиц нема. Как так? Типичная история: была у уважаемого гильца башня, жил он в ней не тужил, а она возьми и

упади... Такое с каждым может случиться. Вот тебе и новый переулочек. Опять же приезжает в Гиль какой-нибудь зажиточный селянин, из провинции и непременно ему надо построиться, а свободной земли нет, вот и закладывает он фундамент своей будущей башни прямо на улице, хотя это и противоречит муниципальному кодексу. Таким манером улица прерывалась и превращается в два тупика. А потом рядом падает башня и тупик становится проезжим. Процесс этот перманентный, поэтому таблички разной степени сохранности на башнях с названиями улиц имелись, но представляли они, скорее, не географическую, а историческую ценность.

Самым мерзким существом в Гиле традиционно считался мэр. Каждый раз в мэры выбирали самого достойного из достойных жителей. Он подавал надежды и обещал сделать Гиль самым привлекательным для инвестиций заморских купцов городом. Через некоторое время обещания забывались, достойный человек обрастал связями, связи наливали его щеки румянцем, животик – объемом, а на пальцах оседали кольца с драгоценными камнями. Злые языки называли это коррупцией, но для гильцев подобные заморские слова чужды. Мздоимец или ворюга – поближе к телу будут. На волне критики очередного грязного мэра гильцы переизбирали градоначальника. И сие довольно цивилизованно, ведь раньше за такие дела мэру запросто рубили голову, а когда острого топора под рукой не находилось – вешали за шею, от чего мэр вестимо помирал. Да вот беда – с новым градоначальником история повторялась, и скоро вместо достойного человека золотую мэрскую цепь на шее носил очередной отожравшийся пузан-хомяк. Мочало – начинайте гильцы сначала...

Но если башни Гиля стояли на фундаменте, мосты – на сваях, влюбленные парочки – на мостах, памятники – на площадях (размером со скверик), голуби – на памятниках, то сам город держался на трёх праведниках. По старой легенде вольный Гиль не опустеет до тех пор, пока в городе живут хотя бы три праведника. Кто они такие, где и как существуют, никто никогда не ведал, но раз город стоит, значит добрые люди в нем ещё не перевелись. А то, что праведные дела гораздо менее заметны, чем дела стяжателей золота-серебра, так это не с сегодняшнего дня началось...

Если вы из себя весь такой томный и манерный франт, если вам скучно (или сплин у вас случился неожиданно, а быть может, вы хандру специально в себе пестуете, чтобы мучиться) и от нечего делать вы фланируете по набережной вольного города Гиля, небрежно переставляя изящную тросточку с сияющим набалдашником, и в эдаком вялом побеге от тоски вы вдруг вальяжно вплывете в стайку местных сорванцов, и снизойдете до просьбы, чтобы мальчишки рассказали какую-нибудь интересную историю, случившуюся на здешних улицах или в порту, то, скорее всего, увидите лишь прищур разноцветных глаз, сплевывание сквозь зубы, а потом босые ноги выбьют пыль из старой мостовой. И это музыка будет означать – любезный, а идите-ка вы до лесу, а там – в самый бурелом. В худшем же случае вас ограбят и далее вы поковыляете уже без тросточки.

А вот если вы сидите ночью на скамейке и смотрите не на огни города, а на море, да не с барышней лясы точите, а с бутылкой темного рома и сигарой молчите (а что мальчишкам запрещено, то их и манит, девчонки их ещё пока мало интересуют, зато сигары и ром...), и не будете спрашивать, а даже наоборот, поведаете про штормовые широты, про проделки дальневосточных крабов и песни русалок с дикого запада... вот тогда, мальчишки, чтобы не ударить в грязь лицом, расскажут "за Гиль", и будет это история про любовь, смерть и кое-что ещё...

Только вот чтобы рассказать эту гильскую историю, надо от вольного города несколько отдалиться. Отдалиться так, чтобы "расчёски" башен на фоне купола неба светло синего уже не маячили, благо крылья воображения поспевают за полетом фантазии (обратное тоже верно) и легко дадут фору даже быстроногим альбертинским скакунам. Итак, в трёх милях от Гиля к северо-западу к тому же за холмом – вот из-за его лысой макушки башен Гиля и не видать

– начинались владения герцога Ардо, тогда он ещё был жив и здоров, а сейчас, говорят, шамкает и на завтрак кушает сметану, а в период бодрости ещё и творогом себя балует... Впрочем мы отвлеклись на гастрономию, причем на гастрономию самую что ни есть невкусную – пресную и диетическую. Ардо – фигура легендарная, он, чтоб вы знали, мог не принимать у себя мэра Гиля, правда, мэр к нему сам не ездил, но герцог не расстраивался по этому поводу. Так что же делало столь влиятельно лицо в этом далеко не столичном местечке? Об чуть позже. Ардо – как и положено герцогу – жил в замке, замок был дай Бог каждому герцогу такой, а в замке царила экономка Линдваль. По штатному расписанию она заведовала только кухней, но быстро распространила сферу своего влияния почти на весь обширный и местами старинный замок и даже на двор – везде она царила, за исключением оружейной комнаты, библиотеки и псарни (а также пыточной – что она там паутины что ли не видала?), где правил единственный суверен – герцог. И еще Линдваль не совалась в парк... его мудрый Ардо повелел разделить на две части, та, что ближе к Гилю, как бы парадная, хотя до города герцогу было амбивалентно (есть такое правило чтения: если не понимаешь слово, то не обязательно заглядывать в словарь, достаточно его пропустить, история завсегда сама себя объяснит другими словами, тем более, что и автор, скорее всего, тоже смысл термина забыл по причине склероза), эту часть он отдал на откуп заморским садовникам, которые неспешно лет за эн-цать добились ровноты кустов, соразмерности деревьев друг с другом и окружающими кустами и травами-муравами, а наши и заморские цветы муштрой и лаской выстроили в клумбах строго симметрично и согласно теории гармонии оттенков; в нужных местах, с которых замок выглядел не очень приглядно, установили фонтаны, статуй древних по аллеям понатыкали богато... и ещё там стригли газон и обещали, что лет через триста этот газон будет образцовым... только вот герцог на эту часть парка, мягко говоря, чихал. Ибо много строже парадной части парка охранялась часть ей противоположная, туда не допускались садовники... там не стригли траву, не разбивали клумб, лишь следили, чтобы буреломом да уж слишком разросшимися сорняками не захламлялся лес и озеро не покрывалось ряской. За порядком там следил старик с большой белой бородой и чудной фамилией Погодин. Так вот, если бы Погодин работал за деньги, то его оклад сильно превышал гонорары зарубежных дизайнеров по ландшафту. Но он работал за совесть и на него герцог полагался даже больше, чем на охрану и верных догов.

Ночью по дикой части парка гулять не то чтобы опасно... это слишком мягкое слово. Как-то раз, лихие люди пытались добраться до озера тёмной безлунной ночью и тот несчастный, которого в кровь измочалила охрана считал, что ему ещё повезло! Ведь остальных нашли в виде мелких фрагментов, а ему только проткнули клинком бок, проломил голову, да правая нога после перелома срослась неправильно. Правда, когда он оклемался от ран, ему вырвали ноздри и отрезали уши, но и тогда он не жаловался и всё равно твёрдо стоял на своем и в кабаках далеко от Гиля бил себя в грудь и утверждал, что он счастливчик! Гильцы – те, что побашковитей, – решили, что головореза отпустили для острастки, чтобы пришлым лиходеям не повадно было соваться в парк. Местные то быстро усвоили, что за подобные выкрутасы бывает. Голову рубят прямо на месте поимки, без суда и следствия. Ну, если свирепые доги оставили голову целой... И уж конечно, в озере никто не установил всякой пошлятины, вроде золотой статуи, с веслом или без оного... это было бы слишком мелко для особой заботы герцога Ардо.

Теперь самое время рассказать о том, почему самый влиятельный герцог в королевстве жил у себя в замке, а не в зимнем своем дворце в столице и не в летней резиденции на ривьере. Дело тут вот в чём: на свою свадьбу король Лев Третий пригласил герцога Ардо первым после коронованных особ из сопредельных королевств, царств и султанатов, и вот на приглашении – собственноручно! – монаршая рука вывела: "...лучшим подарком от вас будут серебряные лилии". Можно только догадываться, что написал в ответ герцог, ибо у нас нет доступа в королевский архив, но можно поставить золотой против медяка, что этого письма в архивах

нет. Ардо по причине болезни на свадьбу не приехал, ведь он не мог прибыть без лилий, короли никогда не пишут ничего просто так, особенно собственной рукой. Да, могут подмахнуть смертный приговор не читая, или подарить графский титул за сомнительные пастельные делишки. А вот чтобы сами на бумаге вывели слова пером... на такую просьбу нельзя ответить отказом. Вот Ардо и заболел, слег он тогда страшно (три дня пропадал на охоте). А король и его супруга остались без серебряных лилий, и тогда Лев Третий ещё раз написал герцогу, бумагу сию бесполезно искать уже в архивах Ардо. Герцог послание порвал, сказал что-то резкое (от чего секретарь ёкнул), и уехал в свои владения, чтобы с тех пор больше никогда не пересекать их границ по направлению к землям короля. Благо войско у него не намного меньше королевского (а по боевой подготовке ещё неизвестно чьи латники тверже), земли примерно столько же, а денег уж точно больше. Так что некоторые независимые аналитики (их гильцы метко называют пустобрёхами) не соглашались с аналитиками не мене независимыми, которые утверждали, что центр королевства вовсе не в столице, а там, где король. То есть первые аналитики придерживались мнения, что центр королевства там, где герцог Ардо. Однако гражданская война не началась, а иначе это была бы совсем другая история...

Крючкотворцы от писак утверждают, что Грин на каком-то древнем языке означает зелёный, но чтобы назвать зелёным Грина... он с десяти лет на улицах и сейчас мы говорим не просто о пребывании ребёнка за пределами отчего дома, просто гулять – это не считово, ведь понятно, что мальчишки начинают осваивать окрестные дворы и переулки гораздо раньше, чем в десять лет. Грину стукнула одиннадцатая весна, когда на него завели первое дело в управе, с четырнадцати ему доверяли люди, имена которых не произносят попусту даже болтливые языки в харчевнях Гиля. Но только в семнадцать сердце Грина проснулось. Кто же вдохнул в плоть нечто большее?

Маргарита... но вы не успеете произнести это слишком длинное имя, как острая на язык и резвая на ноги оторва уже скроется из виду. Рита – так её звали на улицах вольного города Гиля, но даже эту укороченную версию имени произнесешь и улыбнешься, а она уже сворачивает за башню, что отделяла один двор-колодец от другого, ну и как тут её поцелуями воздушными догнать? Не говоря уж о поцелуях более близкого радиуса действия. Но не по этому поводу Грин мучился в эти погожие деньки! Вот если, к примеру, на дарственном медальоне в виде сердечка выгравировать: «Маргарита» – так она его запросто может о камни со всего размаха... и что тогда? из сердца вон?! А если просто «Рита», то на её шестнадцатый День рождения не будет ли слишком фамильярно? Однако сомнения Грина рассеяло то соображение, что подходящего медальона он не мог найти в лавках или украсть... какие-то они уж слишком блеклые, по сравнению с Ритой. С детства эта загорелая и исцарапанная попрыгунья была заводилой и сорванцом почище многих мальчишек. За ней всегда следовала свита, и как у каждой королевы эта свита часто обновлялась. Говорят, у комет происходит то же самое с хвостом, но кто же этим астрономам поверит, да и что нам до комет? А сейчас... Рита расцвела, движение её стали не мене быстры, но более грациозны, она научилась ручкой небрежно отбрасывать золотые кудри назад, а ветер услужливо их волновал, и от этих вибраций волновались все мужские сердца (да и некоторые женские) в радиусе прямого попадания стрел Амура... и наконец – это уже удар ниже кортика! – она сменила шорты на юбки. Юбки, понимаете и весьма короткие! Ну, кто такое мог про неё подумать ещё полгода назад?!

Грин обдумал план и, не успев как следует всё прикинуть, уже ринулся его исполнять. Он издали заметил Олафа – художник разложил свой мольберт и погрузился в смешивание цветов. Грин прищурился... и вспомнил: однажды Олаф рисовал площадь Согласия с портика школы Искусств. Тогда многие к нему подходили и цокали языком, мол, а почему нет башни купца Сутягина? Эта башня считалась одной из самых высоких и красивых в Гиле, а сам Сутягин – одним из самых жадных гильских купцов. Он использовал все лазейки в законах,

чтобы отжать у соседей землю и там построиться, так же действовал при торговле, чуть какая закорючка в контракте на его стороне – значит, из неё все соки выжмем, а если на стороне партнера, тогда о ней забудем. На похоронах своей матери Сутягин всплакнул, люди информированные потом болтали так: слезу из его каменного сердца выдавило то обстоятельство, что мать повелела положить её в гроб вместе с фамильной брошью цены немалой. А Олаф возьми и нарисуй площадь Согласия без башни Сутягина. Его пейзаж маститые художники в свои салоны не взяли. А потом башня Сутягина рухнула, причем тихо, ночью. Жена с детьми в это время отдыхала на даче за городом, а сам купец отдыхал от трудов по наживанию злата в верхних покоях (традиционно у гильцев самых роскошных). Ни золота, ни тела купца, ни тела любовницы купца под обломками башни так и не нашли. А про Олафа стали говорить – прозрел, шельма, будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.